

Отцы и дети в татарских букварях конца XIX – начала XX веков

В конце XIX – начале XX вв. во всех сферах жизни татарского народа произошли столь существенные изменения, что это позволило обозначить названный период как время «национального ренессанса». Переосмысление достижений национальной истории и культуры кардинально изменило отношение татарского общества к детству и детям. Национальная интеллигенция стала отчетливо осознавать, что первые шаги на пути «возрождения» нации необходимо начинать именно с детей. Такой «детоцентристский» поворот проявил себя, в частности, в появлении татарской литературы для взрослых о детях и изданий для самих детей¹. Среди последних особое место занимали учебные книги, в том числе буквари. Тексты татарских букварей рубежа XIX – XX вв. наглядно свидетельствовали, насколько сильно интересовал национальную интеллигенцию «детский вопрос» и сколь значимая роль отводилась этим учебникам в процессе образования и воспитания будущих поколений татарской нации.

С древнейших времен казанские татары ценили образованных людей. До вхождения в состав Московского государства татарский народ имел систему непрерывного образования от начального до высшего². С утратой государственности появилась угроза потери основных достижений науки и культуры, как, впрочем, и национальных образовательных традиций. В период

¹ Тукай Г. Алтын этэч. – Казан, 1908. – 15 б.; Тукай Г. Балалар күңеле. – Казан, 1910. – 32 б.; Тукай Г. Мияубикә. – Казан, 1911. – 23 б.; Тукай Г. Шүрәле. – Казан, 1914. – 20 б.; Мәктәптә милли әдәбият дәресләре. – Казан, 1911. – 144 б. һ.б.; Фәхретдинов Р. Гаилә. Гыйлем әхлактан. – Казан, 1904. – 60 б. һ.б. Первая книга Р. Фахрутдинова «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок») из серии «Гыйльме әхлак» («Науки о нравственности») была опубликована в 1898 г. До 1914 г. она была переиздана 13 раз большими тиражами, поскольку использовалась в начальных классах мектебов и медресе как учебник. (Фәхретдинов Р. Балаларга нәсыйхәт. – Казан, 2006. – Б. 5).

² Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003. – С.9.

«гонений ислама»¹ пострадало и школьное образование. Определенные положительные перемены произошли лишь в период правления Екатерины II, особенно после посещения ею Казани в 1767 г. Одним из таких позитивных новшеств стало открытие специального класса татарского языка в Первой Казанской мужской гимназии (1769). В 1789 г. такой же класс был открыт и в Первой Астраханской мужской гимназии². Знание татарского языка признавалось необходимым хотя бы потому, что он с давних пор традиционно использовался русским правительством в дипломатических отношениях с восточными странами³. Изучение татарского языка рассматривалось также как один из существенных и необходимых переходных этапов в овладении другими восточными языками.

Самым востребованным среди учебников татарского языка в русских гимназиях стал букварь – ведь именно с букваря начиналось изучение татарского языка, как такового. Не случайно поэтому то, что одна из первых татарских азбук была подготовлена и издана в 1778 г. Сагитом Хальфиным – преподавателем татарского языка Первой казанской мужской гимназии⁴. Появление этого учебника должно было хоть в какой-то степени весьма ликвидировать ощутимый дефицит такого рода учебных пособий. Однако задача эта так и не была решена. Четверть века спустя, в 1804 г., в связи с продолжающейся нехваткой учебников татарского языка внук Сагита Хальфина Ибрагим⁵ опубликовал «Азбуку и этимологию татарского языка», дававшую

¹ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007. – С. 44. Этот термин автор употребил для обозначения того периода в истории татарского народа, когда проводилась жесткая политика христианизации – с момента присоединения Казани вплоть до второй половины XVIII в.

² Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 430 – 431.

³ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәғариф. – 1993. – № 3. – С. 35.

⁴ Хальфин С. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная казанских гимназий учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная. – М., 1778.

Хальфин Сагит Хасанович (1723–1785), педагог–просветитель. В 1769–1788 гг. преподавал татарский язык в Первой Казанской мужской гимназии.

⁵ Хальфин Ибрагим Исхакович (1778–1829) также преподавал татарский язык в Первой Казанской мужской гимназии и в Казанском университете с 1812 г. Здесь и далее биогра-

также возможность ознакомиться с турецким, арабским, персидским письмом¹. Вслед за ней, в 1809 г., И. Хальфин издает «Азбуку и грамматику татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии»². Однако этот учебник не являлся букварем в полном смысле слова. Главным образом он включал тексты религиозного характера, проповедовавшие основополагающие социально-политические и морально-этические принципы. Например: «Кто бога боится и честно поступает, тот не страшится ничего. Уповать на бога и любить его всем сердцем должно. Государя своего почитай и повелениям его повинуйся»³. Учебники Сагита и Ибрагима Хальфиных были первыми печатными изданиями по ориенталистике не только в России, но и в Европе⁴. Они представляли собой оригинальные и грамотно составленные учебные пособия, но рассчитаны были не на татарских детей.

Огромный вклад в составление татарских букварей внес Н. И. Ильминский⁵. Его буквари предназначались для отдельно взятой группы татарского населения – крещеных татар. Появление этих учебников было обусловлено сугубо политическими причинами. Уже с начала XIX в. начался массовый переход татар–христиан в ислам. Церковь и правительство забили тревогу. В качестве одной из причин происходящего называлась языковая проблема, когда священнослужители не могли (не хотели?) выучить местные языки и общаться с местным населением. «Христианское просвещение» нерусских на-

фические данные заимствованы из Татарского энциклопедического словаря (Казань, 1999).

¹ Михайлова С.М. Ибрагим Хасанович Хальфин (1778–1829 гг.). – Казань, 2002. – С. 13.

² Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии. – Казань, 1809.

³ Там же. – С. 44.

⁴ Так, «Арабская грамматика» знаменитого французского ориенталиста Сильвестра де Саси (1758 – 1838) была опубликована лишь в 1810 г.

⁵ Ильминский Н. И. (1822 – 1891), востоковед, педагог–миссионер, член–корреспондент Петербургской Академии наук (1870). Преподавал в Казанской духовной академии и Казанском университете (с перерывами). В 1863 г. основал Казанскую центральную крещено-татарскую школу, в 1872 – Казанскую инородческую учительскую семинарию. Автор учебников для инородческих школ. Переводил на татарский язык духовные и богослужебные книги.

родов империи оказалось под угрозой¹. В этих условиях миссионер и педагог Н. И. Ильминский разработал особую систему обучения для инородческих школ на основе родного языка². Буквари для обучающихся в этих школах создавались на основе русской графики. Кириллица была использована и для составления букваря крещеных татар. Вначале была издана «Княга» (1862), затем – «Букварь для крещеных татар» (1871) и, наконец, «Язу урята торган княга» («Книга для обучения письму») (1906)³. Характеризуя первый из подготовленных им букварей, Н. И. Ильминский писал, что это учебник «со статьями христианского, вероучительного и молитвенного содержания»⁴. Крещено-татарские школы сыграли важную роль в просвещении татар–христиан. И хотя буквари Ильминского не получили распространения среди татар–мусульман, это были первые буквари, составленные на базе разговорного татарского языка, а разработанный и предложенный Ильминским алфавит был использован большевистской властью в конце 1930–х гг. для создания «новой» татарской письменности.

Первые буквари для местного населения – «элифба» – стали создаваться еще в Волжской Булгарии. Скорее всего, эти учебники использовались в Золотой Орде и Казанском ханстве. Есть сведения о распространении во второй половине XVIII в. рукописной «элифбы» Муртазы Котлыгышева и Иш-нияза бин Ширнияза. Но как выглядели и что представляли собой эти учебники, неизвестно. В печатном виде сохранились только буквари начала XIX в.⁵ Первым изданием татарской типографии, открытой в 1800 г., стала татарская азбука «Аттагоджи» («Чтение по слогам») с молитвами для чтения. Книга была очень популярной и издавалась почти ежегодно, большими тиражами. В дальнейшем она чаще выходила под названиями «Элифба иман шарты белэн» («Азбука с молитвами»), «Шариэтель иман» или «Иман шарты» («Ус-

¹ Об этом см.: Ильминский И.Н. Сборник статей. По поводу 25–летия со дня кончины (27 декабря 1891 года). – Вып. 4. – Казань, 1916. – С. 19, 21.

² Там же. – С. 83.

³ Сабирзянов Г. С. Букварь // Татарская энциклопедия. – Т. 1. – Казань, 2002. – С. 480.

⁴ Ильминский И.Н. – С. 106.

⁵ Там же. – С. 478.

ловия веры»)¹. Татары называли ее просто «Элифби» (по первым буквам алфавита – «элиф» и «би») или же «Әлебби», «Әлпи». На протяжении последующих 125 лет – последнее издание книги вышло в 1928 г. – она по существу не изменилась. Вносимые в последующие издания дополнения представляли собой лишь новые молитвы.

Автор учебника неизвестен². Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Некоторые источники приписывают авторство учебника Муртазе Котлыгышеву, другие – Ишниязу Ширниязу³. Татарский просветитель Ш. Марджани появление этой книги связывал с периодом Волжской Булгарии⁴. Можно предположить, что Муртаза Котлыгышев или Ишнияз Ширнияз переработали сохранившийся и популярный среди населения учебник. Развивая идею Ш. Марджани, известный исследователь истории татарского просвещения и татарской книги А. Г. Каримуллин также утверждал, что этот букварь с «древнейших времен» служил учебником в татарских мектебах и медресе. Это была, по его мнению, первая книга, обучающая чтению и письму арабскими буквами⁵. Как бы то ни было, бесспорно одно: вплоть до 1890-х гг. это был практически единственный букварь, по которому учились читать и писать широкие слои татарского населения.

Мусульманское духовенство считало «Иман шарты» «священной» книгой. В ней в виде беседы между двумя мусульманами в форме кратких

¹ Там же.

² Ибраһимов Ф. И. Белем элифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 30.

³ Там же. Муртаза Котлыгышев и Ишнияз Ширнияз – татарские просветители второй половины XVIII в.

⁴ Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан, 2004. – Б. 54.

Марджани Шигабутдин (1818–1889), ученый–энциклопедист, богослов, историк, философ, просветитель, востоковед. Человек широкого кругозора и разнообразных научных интересов. В своих работах развивал религиозно-реформаторские и просветительские идеи. Труды Ш. Марджани положили начало исторической литературе у татар в традициях известных научных школ мусульманского Востока.

⁵ Каримуллин А. У истоков татарской книги // Мәгариф. – 1993. – № 9. – С. 38. Иман (араб. – вера), вера в истинность ислама. Что понимает автор под «древнейшими временами», не разъясняется. Скорее всего, речь идет о периоде Волжской Булгарии, когда вместе с официальным принятием ислама в 922 г. болгары перешли на арабскую графику.

вопросов и ответов излагались основные положения мусульманского вероучения¹.

Положительно отзывались об указанном букваре и русские миссионеры. В 1894 г. Е. А. Малов перевел его на русский язык². Он же в своей работе «Мухаммеданский букварь» (1894) сравнивал «Иман шарты» с русской схоластической азбукой «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания» (1634). Малов призывал брать пример с татар, которые почти все обучались по одной книге, в то время как русские буквари менялись каждые 2-3 года. Достоинством «Иман шарты», по его мнению, являлась лаконичность содержания, состоявшего из религиозных молитв. Е. Малов отмечал, что «Иман шарты» издается «мухаммеданами очень не внимательно, со многими корректурными ошибками, на плохой, желтоватой и не плотной бумаге, избитым и слепым шрифтом». Русский перевод букваря был противопоставлен им татарскому изданию, как изящный, с «ясным, отчетливым шрифтом»³. Малов обращал внимание также и на излишнюю, как ему казалось, многочисленность и массовость переизданий книги, причину которых он усматривал, прежде всего, в боязни ее запрета. На самом же деле, «мухаммеданский букварь», по мнению Малова, «ничего не содержит, что подавало бы серьезный повод русскому правительству запрещать печатание этой детской книжки»⁴. Между тем, этот букварь, как и любая другая татарская книга, автоматически относился в Российской империи к категории «инородческих», что в какой-то степени могло объяснить имеющиеся небрежности и изъяны. Но все чаще высказываемая в адрес букваря критика

¹ Малов Е. Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк). – Казань, 1894. – С. 104. Данная схема была использована в дальнейшем и в джадидских букварях. Например, в «Сэвад хан» («Грамотном человеке») Г. Баруди в виде вопросов и ответов изложены не только основы ислама, но нормы поведения детей в семье и обществе. (Баруди Г. Сэвад хан. – Казан, 1891. – Б. 19 – 24).

² Условия веры. – Казань, 1894.

³ Малов Е. Мухаммеданский букварь. – С.111.

Малов Евфимий Александрович (1835–1918), тюрколог, православный миссионер, преподаватель Казанской духовной академии. Основные труды носят миссионерский характер. Отдельные работы посвящены тюркологическим проблемам и этнографии татарского народа.

⁴ Малов Е. Мухаммеданский букварь. – С. 111.

была вызвана не столько его оформлением, сколько содержанием – в конце XIX в. религиозный букварь уже не удовлетворял передовую татарскую интеллигенцию.

Распространение джадидизма¹ и появление джадидских школ послужило сильнейшим толчком к созданию новых учебников и учебных пособий. Недостаток учебников остро ощущался во всех учебных заведениях. В этот период правительство стало жестко контролировать учебный процесс в национальных школах. Например, медресе должны были иметь официальное разрешение на преподавание светских предметов². По строгому предписанию властей, татарские учебные заведения могли быть только религиозными. Даже после революции 1905–1907 гг. открывать татарские школы светского характера было категорически запрещено³. Но начавшиеся в татарском обществе реформы остановить было уже невозможно. Они затронули как организацию самого процесса преподавания, так и его содержательное наполнение. Одной из насущных задач становилась задача по внедрению новых методов обучения татарскому языку, прежде всего, метода звукового, и новых методических инструментариев, в первую очередь, учебников, включая буквари нового типа.

Задача эта была, действительно, актуальная, но далеко не простая. В изучении татарского языка к концу XIX в. были достигнуты определенные успехи, хотя и проблем здесь было тоже немало. Впервые о проблемах татарского языка и татарской грамматики в конце XIX в. заговорил К. Насыри⁴.

¹ Джадидизм (от араб. джадид – новое), общественно-политическое движение за обновление различных сторон жизни общества. Формировался в татарском обществе в течение XIX в., получил распространение среди ряда тюркских народов. Сторонники джадидизма критиковали социально-экономическую отсталость и духовный застой в жизни общества, выступали за обновление системы народного образования в соответствии с требованиями времени (Татарский энциклопедический словарь. – С. 172).

² Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – С. 36.

³ Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мэгариф. – 1992. – № 8. – С. 38.

⁴ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. – Казань, 2005. – С. 59.

Насыри Каюм (1825–1902), ученый–просветитель, историк, этнограф, языковед, писатель. Уделял много внимания изучению истории края, татарского народа, его фольклора и этно-

Он одним из первых обосновал необходимость создания самостоятельного татарского литературного языка и освобождения его от турецкого влияния и употребил само словосочетание «татарский язык»¹. Поскольку сложная арабская графика без особых изменений использовалась почти тысячу лет, а арабских букв для обозначения всех букв татарского языка не хватало, ученый разработал дополнительную систему знаков на основе арабской графики. Он, в частности, выделил в татарском языке десять гласных букв взамен трех арабских.

Однако несмотря на отдельные предпринимаемые усилия на рубеже XIX–XX вв. в татарской литературе и языке по-прежнему не существовало общепринятого языкового стиля и орфографии. Татарская интеллектуальная элита придерживалась сложившейся традиции и старалась писать так, чтобы ее понимали ученые из других тюркоязычных регионов России. Даже во многих учебных изданиях того времени, включая и буквари, термин «татарский язык» был заменен термином «төрки тел» («тюркский язык»). Во многом литературный стиль задавала газета «Тарджиман» («Переводчик»)². Редактор и издатель «Тарджимана» И. Гаспринский³ выработал особый стиль тюрко-татарского языка, в основе которого лежал упрощенный турецкий

графики. Автор работ по литературе, педагогике, земледелию, медицине, ботанике, учебников по арифметике, геометрии, географии. Заложил основы современного татарского литературного языка, его научной терминологии. Среди его многочисленных трудов были татарско-русский и русско-татарский словари, азбука и грамматика татарского языка и др.

¹ Насыри К. Избранные произведения. – Казань, 1977. – С. 8.

² «Тарджиман» («Тәржеман» - «Переводчик»), литературно – политическая и научная газета. Издавалась в 1885 – 1918 гг. в Бахчисарае на тюрко-татарском языке. Издатель и редактор И. Гаспринский. До 1905 г. статьи печатались и на русском языке. В 1909–1910 гг. в Казани выходило приложение для детей «Галяме сыйбьян» (Татарский энциклопедический словарь. – С. 556).

³ Гаспринский (Гаспарлы) Исмаил (1851–1914), общественный и политический деятель, педагог, издатель. Образование получил в медресе г. Бахчисарая, в русских гимназиях Симферополя, Москвы, в военном училище г. Воронежа. Используя газету «Тарджиман», стремился выработать общетюркский язык и объединить на этой основе весь тюркский мир. Способствовал открытию новометодных медресе и издавал для них учебники. Заложил основу реформирования системы народного образования тюркских народов. Автор книг по проблемам российских мусульман.

язык, освобожденный от заимствований из арабского и персидского¹. Влияние «Тарджимана» было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 г. «прогрессивные», «передовые» татарские книги печатались на наречии, близком османскому².

И. Гаспринскому принадлежал и первый новометодный букварь на «тюрки», изданный в Бахчисарае в 1890 г., – «Ходжа-и-сибьян» («Учитель детей»). Языковой стиль этого букваря также был близок к османскому, хотя широко использовался поволжско-приуральский диалект³. Известно, что на литературном поприще И. Гаспринскому часто помогала его жена, Зухра ханум Акчурина⁴. Она лучше мужа знала язык казанских татар, готовила материалы для публикации, редактировала отдельные труды, хотя ее имя редко появлялось на страницах печати. В распространении идей просвещения, в становлении литературного стиля и языка «Тарджимана» была и ее заслуга⁵. Видимо, ее участие проявилось и в выборе литературного стиля букваря. Впрочем, из букварных текстов видно, что учебник создавался, в первую очередь, для детей крымских татар – в нем во всех подробностях описывалась красота крымской природы, воспроизводился образ жизни людей данного региона. Эти тексты мало подходили для Казанской губернии с ее более суровым и разительно отличающимся климатом. Названия многих южных фруктов детям казанских татар были вообще неизвестны, а используемый в текстах литературный язык не всегда понятен. Однако сам по себе букварь И. Гаспринского явился образцом для создания в дальнейшем учебных изданий подобного типа. В частности, в последующих татарских букварях была отчасти воспроизведена предложенная Гаспринским структура учебника как

¹Бенигсен А. Исмаил Гапринский (Гаспарлы) и происхождение джадидидского движения в России // Исмаил-бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 88.

²Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Эхо веков. – 1997. – № 3–4. – С. 211.

³Татарский язык – язык всех этнотерриториальных групп татар (поволжско-приуральских, сибирских и астраханских), в целом относится к болгаро-кыпчакской группе тюркских языков. Казанские татары – субэтническая группа поволжско-приуральских татар. Литературный татарский язык сформировался на основе среднего диалекта, при заметном участии мишарского диалекта (Татарский энциклопедический словарь. – С. 243, 563).

⁴Акчурина Зухра (1862–1903), первая татарская женщина-журналист.

⁵Махмутова А. Х. Пора и нам зажечь зарю свободы. – Казань, 2006. – С. 25–26.

единого учебного пособия по двум языкам – родному и арабскому, а также математике и окружающему миру (истории и географии). Тексты об исламе, о конце света в несколько измененном виде встречались, например, в некоторых изданиях букваря Х. Максуди¹.

Однако разработанная И. Гаспринским структура букваря была заимствована его последователями не полностью. Так, не востребованными остались тексты по истории и географии. Современникам казалось, что И. Гаспринский излагает в этих разделах слишком сложный для маленьких детей материал. В частности, составитель букваря предлагал, по существу, свое видение и понимание истории и исторического процесса, даже давал классификацию исторических источников, которые он называл обоснованием (дәлил) научной истории, выделяя такие их разновидности, как древние рукописи, устное народное творчество и вещественные памятники. В издание были включены небольшие исторические тексты, посвященные древней истории тюрков. Тексты о России полностью отсутствовали, хотя И. Гаспринский и считал необходимым изучение российской истории². Сведения по географии носили общепознавательный характер. Автор рекомендовал учителям шире использовать на уроках карты и схемы, а также сообщал о достижениях мусульманских ученых в этой области знания³.

Вместо текстов на арабском языке И. Гаспринский использовал молитвы – ведь арабский язык преподавали, прежде всего, в религиозных целях. Это были краткие, удобные для запоминания и необходимые в повседневной жизни мусульман религиозные тексты.

Несмотря на свои передовые взгляды и реформаторские идеи, И. Гаспринский оставался глубоко верующим человеком. Нельзя не принимать во

¹ Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1903. – 57 б.; Мөгаллим әүвәл. – Казань, 1914. – 64 б. и др.

Максудов Ахметхади (Максуди Хади) (1868 – 1941), политический деятель, журналист, издатель, педагог, языковед. Автор работ по логике, языкознанию, новометодных учебных пособий и хрестоматий.

² Гаспринский И. Ходжа-и-сибьян. – Баһчисарай, 1890. – Б. 47, 53, 54, 55. Это второе издание. Разрешение на печать из Санкт-Петербурга было получено также в 1890 г.

³ Гаспринский И. Ходжа-и-сибьян. – Б. 45 – 46, 51 – 53, 67 – 68.

внимание того, что духовенство занимало в то время ведущие позиции в жизни мусульманского общества, продолжавшего жить по законам шариата, и с его мнением необходимо было считаться. Национальная интеллигенция не была противником религиозного образования, выступая за разумное сочетание светского и религиозного. Многие новометодные буквари были построены исходя из этих принципов.

Букварь И. Гаспринского был далеко не единственным изданием такого типа. Бурный рост национальной периодической печати и издательского дела не мог не сказаться на публикации учебной литературы: на протяжении четверти века – с начала 1890-х гг. до 1917 г. – только в Казани было издано около 40 татарских букварей¹.

В начале XX в. Г. Ахмаров насчитал более 15-ти подобных изданий, принадлежавших разных авторов. Многие из них, по его мнению, не соответствовали педагогическим нормам и стандартам. В 1909 г. своей работе «Әлифба китапларына тәнкыйт» («Критика букварей») он подробно проанализировал достоинства и недостатки 10-ти наиболее распространенных татарских букварных изданий². Он считал, что только три или четыре учебника из них действительно можно рекомендовать для школы. Странно то, писал Г. Ахмаров, что хорошие учебники издавались по одному разу, а «плохие» получали широкое распространение. Состоятельные горожане покупали эти книги и как «закят»³ отдавали в медресе. Г. Ахмаров упоминает достаточно

¹ Сальникова А.А. «Свои» и другие... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1980-х – 2000-е годы // И спросила кроха... Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. – М., Тверь. – 2010. – Вып. 7. – С. 274. К сожалению, не все буквари сохранились.

² Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909.

Ахмаров Гайнетдин (1864 – 1911), историк, археограф, педагог, общественный деятель. Собрал значительный этнографический и археологический материалы по истории татарского народа. Автор трудов по истории Волжской Булгарии и Казанского ханства.

³ Закят (араб.) – налог, предписываемый шариатом и собираемый на нужды мусульманской общины. Татары часто употребляли термин «садака».

распространенные «на Сенной площади»¹ Казани слухи о том, что многие такие учебники пишутся бедными шакирдами², а затем выкупаются и печатаются под другой фамилией.

Автор уверен, что написать букварь может только высокообразованный человек, ибо создавать короткие, лаконичные и понятные для детей тексты – задача не простая. Он подробно анализирует каждый букварь, прежде всего, его лингвистическую составляющую, и приходит к неутешительному выводу о наличии во многих учебниках бессмысленного набора слов и фраз и об отсутствии доступных для детей текстов³. Даже в таком распространенном и, казалось бы, совершенном букварном издании, как «Мөгаллим әүвэл» («Первый учитель») Х. Максуди⁴, Г. Ахмаров нашел целый ряд грамматических ошибок и стилистически неверных конструкций. По мнению Ахмарова, данный букварь не соответствовал не одному из известных методов – у него был свой метод и своя «имла» (орфография). За грамматические ошибки, а также за использование мишарского диалекта Ахмаров критиковал и букварь Х. Забири⁵.

Появление в 1909 г. критической работы Ахмарова было очень своевременным. Ситуация с татарскими букварями стала резко меняться после революции 1905 г., когда вопрос о том, какими должны быть новые издания для детей, приобрел особую актуальность. Прогрессивная часть татарской интеллигенции, ратовавшая за самостоятельный татарский национальный

¹ Сенная площадь (Печән базары) – восточный базар, торговый, общественный и культурный центр в татарской части города. (Татарский энциклопедический словарь. – С. 514, 538).

² Шакирд – учащийся медресе.

³ Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909.

⁴ «Мөгаллим әүвэл» – один из самых распространенных букварей в татарских учебных заведениях до 1917 г. С 1892 – по 1918 гг. выдержал 31 издание и издан тиражом 1 мил. 200 тыс. экземпляров. Научная библиотека КФУ им. Н.И. Лобачевского содержит около десяти изданий разных лет. Все они отличаются друг от друга как содержанием, так и оформлением..

⁵ Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. - Б. 7 – 8; 28. Мишари (мишәр), субэтническая группа поволжско-приуральских татар. Народный разговорный язык составляет западный диалект татарского языка (Татарский энциклопедический словарь. – С. 363; Исхаков Д.М. Татары (популярный очерк этнической истории и демографии. – Набережные Челны, 1993. – С.24).

язык, инициировала написание специальных учебников для джадидских школ, обучающих детей чтению и письму на родном языке. Авторами букварей стали люди, закончившие старометодные, религиозные учебные заведения, не имевшие высшего, светского образования. Но многие из них имели богатый опыт педагогической работы (Г. Ахмаров, Г. Гафуров, М. Ишмухаметов, Х. Максуди и др). Они составляли интеллектуальную элиту татарского общества и были сторонниками модернизации национальной школы.

Языковой стиль новых татарских букварей существенно отличался друг от друга. Некоторые из них особо акцентировали самобытность и значимость татарского языка, необходимость его изучения. Например, Г. Алпаров в своем букваре писал: «Мы татары. Мы все разговариваем на татарском языке. Наш родной язык татарский». Далее цитировалось стихотворение Г. Тукая «Туган тел» («Родной язык»)¹. При составлении большинства букварей широко использовался татарский народный фольклор, поговорки, басни («мәсәл») и поучительные рассказы. Часто встречались произведения популярных татарских авторов тех лет: Г. Тукая, Н. Думави, Дәрдемнда (Дәрдемәнд), М. Укмәси и др.²

С другой стороны, общетюркские корни способствовали популяризации татарского языка и татарских учебников и распространению их во всех тюркоязычных районах России. Например, букварь Х. Максуди «Мөгаллим әүвәл» использовался во многих тюркоязычных национальных школах³. В

¹ Алпаров Г. Татар әлифбасы. – Казан, 1913. – Б. 51.

Алпаров Гибад (1888–1936), языковед. Автор трудов по татарской орфографии, морфологии и синтаксису, учебников татарского и туркменского языков. В 1921–1924 гг. участвовал в разработке туркменской и казахской орфографий. Тукай Габдулла (1886–1913), поэт, литературный критик, публицист, один из родоначальников новой татарской литературы, основателей современного татарского литературного языка.

² Алпаров Г. Татар әлифбасы. – Казан, 1913 и др.

Думави Наджиб (1883–1933), писатель, автор школьных учебников по татарской литературе, переводчик, публицист. Дәрдемәнд (псевд., настоящая фамилия и имя Рамиев Мухамметзакир) (1859–1921), поэт, золотопромышленник. Перевел на татарский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др. Вместе с братом Ш. Рамиевым издавал газету «Вақыт» («Время»), «Шура» («Совет»). Депутата 1-й Государственной думы (1906). Укмәси (псевд., настоящая фамилия и имя Забиров Миргазиз) (1884–1948), поэт, автор пьес.

³ Сабирзянов Г. С. Букварь. – С.480.

одном из иллюстрированных изданий «Мөгаллим әүвәл» под изображением мальчика и взрослого мужчины имелась надпись «баба рәсеме» вместо «әти рәсеме» («изображение отца (папы»)). Но «баба» – это не татарское, а турецкое значение слова «отец». И мужчина на рисунке был больше похож не на татарина, а на турка с феской на голове¹. Хотя Х. Максуди и был сторонником создания самостоятельного национального языка на базе казанского диалекта, он не называл его татарским, а использовал термин «тюрки». Г. Баттал считал, что Х. Максуди не употреблял словосочетание турецкий язык, боясь обвинения в пантюркизме со стороны русского цензора².

Татарские буквари этого периода были построены с применением разных методов. Обложки букварей свидетельствуют о двух наиболее распространенных из них – «ысуле мәддия» (в отличие от букво-слагательного метода используется слог полностью) и «ысуле саутия» (в основу обучения положен звук). С использованием первого метода построена «Мөгаллим әүвәл» Х. Максуди, второго – «Төрки әлифба» («Тюркский букварь») Г. Ахмарова. Были сторонники комбинированного метода «мәдди-саутия ысулы»³. На структуру и содержание букварей оказали влияние работы Сагита и Ибрагима Хальфиных, И. Гаспринского, К. Насыри и др. В них отразился уровень развития науки, общественно-политической мысли, менталитет татарского общества конца XIX – начала XX вв. Буквари составляли важную часть культурно-исторического наследия татарского народа рассматриваемого периода, отражали сложный процесс становления и развития национальной педагогики, традиций семейного воспитания. Они рассказывали о повседневной жизни детей и взрослых, всего татарского общества на переломном этапе его развития.

¹ Максуди Х. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1914 – Б. 2.

² Баттал-Таймас Г. Два брата Максуди. Жизнь, творчество, труды. – Казань, 1999. – С. 125; Гафарова Ф. «Йолдыз» кабызган Максуди. – Казан, 2006. – Б. 24. Баттал Габдулбари (1883–1969), историк, филолог, журналист. Один из лидеров национально-освободительного движения. Автор работ по истории татарского народа, литературе и языкознанию.

³ Ибраһимов Г. Татар телен ничек укытырга? // Милләт, тел, әдәбият. – Казан, 2007. – Б. 118.

Мир татарского общества был представлен в дореволюционных татарских букварях как абсолютно автономное, замкнутое пространство, где нет «чужих». Только титульные листы букварей помогали установить местонахождение этого «закрытого» мира. В букварях отсутствовала тема Родины – как большой, так и малой – и проблема патриотического воспитания. Трудно определить, когда среди татарского населения сформировалось понятие «общей, единой» Родины и интересы России стали восприниматься как «свои», а не «чужие». Татары и русские жили в одном государстве, в одном городе, но редко контактировали. Национально-религиозная политика правительства этому только способствовала. В сконструированном на страницах татарских букварей мире дети ходили в школу, взрослые занимались сельским хозяйством или торговлей, однако и те и другие были чрезвычайно далеки от политики и от тех общественно-политических процессов, которые происходили в России.

Воспитанию подрастающего поколения в национальных традициях также было уделено мало внимания. Национальный компонент был представлен преимущественно в разделах «Одежда», «Еда» и «Предметы быта». Только в иллюстрированных букварях национальные мотивы были обозначены более четко¹. Народные, национальные традиции передавались, в первую очередь, через ислам. Пока существовала религия, сохранялась и национальная культура. По утверждению В. В. Бартольда, тюркоязычное население России понятие «национальное» и «религиозное» воспринимало «тождественно», т.е. идентично², а потому особое внимание уделялось воспитанию детей по законам шариата. Татары руководствовались словами пророка Мухаммеда: «Самое лучшее наследие, доставшееся от отца ребенку – это хорошее воспитание»³. Основные нормы поведения, сформулированные в букварях, перекликаются с текстом весьма популярной в начале XX в. книги

¹ См, например, буквари: Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1914; Харитонов И.Н. Бүләк. – Казан, 1912.

² Арапов Д. Ислам в архивных материалах // Ab Imperio. – 2008. - № 4.- С. 253.

³ Фазлыев Дж. Ребенок мусульманина. О воспитании. – Казань, 2005. – С. 4.

«Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок») Р. Фахретдинова¹. Авторы разных букварей предлагают совершенно тождественную модель поведения хорошего и плохого ребенка. Хороший ребенок – это послушный, прилежный, скромный мальчик. Он играет только в своем дворе или в саду и только с шакирдами (учениками). Он никогда не играет на улице и в школе, не общается с «уличными» мальчишками. Ему не нравятся шумные, оживленные игры. Как шакирд, он должен вести себя прилично – «эдәпле». Шакирд – это особый статус в «детском мире». Шакирд выделяется своим поведением и образованностью.

Качественное образование считалось основой счастливой и безбедной жизни мусульманина. В букваре И. Гаспринского утверждалось: «Знания – это богатство мусульманина»². Ему вторил букварь Г. Баруди: «Хороший ребенок читает книгу. Он воспитанный. Помогает родителям. Не говорит плохих слов. Здоровается со всеми. Если у него есть деньги, то зря не тратит. Или же покупает книгу. Хороший ребенок любит нищих. Жалеет и не убегает от них. Помогает им. Почитает ученых». Далее букварь напутствовал: «Сынок, ты тоже постарайся быть хорошим. Пусть твои родители разбогатеют. Получи их благословение. И ты будешь счастлив и в этом, и в потустороннем мире (ахирәт)»³. Причем в учебных заведениях осуществлялся принцип единства обучения и духовного воспитания. Татарские педагоги считали, что нельзя давать знания «безнравственным и ограниченным людям». Это рассматривалось как «преступление против народа»⁴.

¹ Фахретдинов Ризаэтдин (Риза) (1859 – 1936), ученый – просветитель, богослов, религиозный и общественный деятель. С 1922 г. Муфтий Центрального Духовного Собрания мусульман Внутренней России. Автор трудов об общественной жизни мусульман и их положении в России, по истории и мусульманской философии, популярных брошюр по основам этики, морали и педагогике.

² Гаспринский И. Ходжа – и – сибьян. – Баһчисарай, 1890. - Б. 34.

³ Баруди Г. Сәвад хан. – Казан, 1897. – Б. 12.

Баруди Галимджан (1857 – 1921), известный религиозный и общественный деятель. Автор учебников по исламскому вероучению, арифметике и др. С 1917 г. Муфтий Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири.

⁴ Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – С. 37–38.

В татарских букварях были четко прописаны основные правила и критерии поведения ребенка. Поклонение и служение Всевышнему было поставлено на первое место – ведь само слово «ислам» означает повиновение Аллаху. Мусульманин был обязан беспрекословно выполнять все «приказы» Всевышнего¹. Кроме того, ребенок должен был почитать не только родителей, так и учителя. Например, Ш. Тагиров в своем букваре писал: «Для нас дороже всех на свете дорогой отец, мать и наставник... Долг перед наставником превышает долг перед родителями, потому что именно учитель способствует становлению полноценной личности»². Если ребенок отступал от предписанных норм, он мог быть подвергнут наказанию. Помимо психологического, морального воздействия на «плохих» шакирдов существовали и другие воспитательные меры. В основном это были не телесные наказания, хотя в некоторых школах этот вид наказаний также сохранялся. Об этом в юмористическом стихотворении «Таз» писал Г. Тукай³. В букваре Х. Максуди в тексте «Слова шакирда» ученик сообщает о некой темной комнате, куда запирали непослушных, прогулявших занятия учеников⁴. Существовала ли реально такая практика, сказать сложно. Но в семейном быту телесные наказания и

¹ Фазлыев Дж. Основы исламской культуры. Казань, 2009. – С. 15.

² Тахири Ш. Мөкәмәл әлифба. – Казан, 1910. – Б. 59 – 60. Тагиров (Таһиров) Шакирджан (1858 – 1918), педагог, мастер рукописной и печатной книги (Тат. энцикл. словарь. – Казань, 1999. – С. 553).

³ «Был в медресе плешивый мальчик Таз.

Шалун, он выделялся среди нас<...>

Мы были в это время мал-мала.

Тринадцать было старшему едва.

Таз был за главного. Играем раз

И думаем, никто не видит нас.

Увы! За нами подсмотрел казый.

Не обошлось, как было в те разы<...>

«Казый абзый! Прости, помилуй нас,

На шалости нас подбивает Таз.

Велит казый: «Ложись, плешивый черт!

Никто от наказанья не уйдет!»

Ругаясь, попрекая нас, взмахнул

И Таза ивовым прутом стегнул<...>

(Тукай Г. Избранное. Перевод с татарского В.С. Думаевой-Валиевой. – Казань, 2006. – С. 239). Таз – плешивый. Казый – воспитатель в медресе.

⁴ Максуди Н. Мөгаллим әүвәл. - Казан, 1903. – Б. 45.

«темные комнаты», похоже, действительно были. Иначе они не появились бы на страницах букварей¹. Хотя Ш. Марджани, например, сам воспитанный в суровых условиях, часто говорил своим ученикам: «Детей своих никогда не бейте! Особенно остерегайтесь бить по голове! Я в детстве натерпелся немало»², такая модель поведения взрослых в семье и школе не осуждалась, а укладывалась в морально-этические общественные нормы того времени.

Некоторые тексты в букварях были предназначены не только и не столько для детей, сколько для учителей и родителей. В них зачастую включались методические рекомендации по обучению грамоте. Публиковались и отдельные методические пособия³. Так, в пособии У. М. Ишмухаметова присутствует совершенно не традиционный для своего времени подход к процессу обучения. Автор – не сторонник жестких методов, он считает главным в преподавании учет интересов ребенка: «Если мы заставляем детей учиться, то обязательно встретим сопротивление. Это большая проблема. Если ребенок устал, не стоит его заставлять заниматься дальше. Пользы не будет. Он может играть или же может идти домой»⁴. Такие слова мог написать только настоящий педагог, искренне любящий детей.

В букварях содержались и предназначенные для взрослых подсказки для ответа на наиболее «трудные» вопросы детей. Зачастую на эти вопросы приходилось отвечать матерям. Женщина играла важную роль в татарской семье. Именно на нее возлагались основные функции по воспитанию детей в национальных традициях и по законам шариата. Поэтому в буквари часто включались диалоги матери и сына. Таковой присутствует, например, в букваре Г. Гафурова:

«Салим после того, как остался наедине с матерью, спросил:

¹ Баруди Г. Сэвад хан. – Казан, 1891. – Б. 17; Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. – Казан, Уфа, 1908. – Б. 26.

² Юсупов М. Х. Шигабутдин Марджани. – Казань, 2005. – Б. 23–24.

³ Ишмөхәмметов М. Әлифба (бер юлы уку–язу) буенча укытырга вә яздырырга өйрәтүнең тәртибен күрсәтер. – Казан, 1899; Сәгиди Ш. Яңа имла мөгаллиме. – Оренбург, 1912 и др.

⁴ Ишмөхәмметов М. Әлифба (бер юлы уку–язу) буенча укытырга вә яздырырга өйрәтүнең тәртибен күрсәтер. – Казан, 1893. – Б. 9.

– Мама, а где вы меня взяли?

– Дитя, мы с папой просили тебя у Всевышнего, он тебя нам дал».

Ребенок, вполне удовлетворенный таким ответом, интересуется дальше: «Мама, а что вы будете со мной делать?» Мать как истинная мусульманка отвечает:

– Мы отдадим тебя в школу хальфе (учителю). Там ты будешь учиться.

– Зачем мне учиться?

– Ты, дитя, после учебы станешь рабом божьим. Нам будешь помогать»¹.

Такие тексты формировали в детях чувство долга перед родителями и воспитывали уважение к старшим.

В том же букваре Г. Гафурова имеется еще один любопытный диалог. «Салиму родители купили новую шапку и сапоги. Салим очень обрадовался. Мать подозвала его к себе и сказала:

– Сынок, Салим, когда ты нам вернешь деньги за шапку и сапоги?

– А вы разве их мне продали?

– Сынок, мы сейчас у тебя не просим денег. Пока мы тебя одеваем. Когда вырастешь, ты нам купишь новые шубы.

– Хорошо, мамочка, когда вырасту, я вам обоим сошью лисьи шубы.

Мать обняла и поцеловала Салима».

Таким образом, на первое место выступает не гражданский долг, не служение Отечеству, а долг перед родителями, учителем и Всевышним.

«Элифба» является ценным источником по истории татарской школы, истории детства. Особое внимание уделялось на ее страницах процессу европеизации обучения, причем не только в городах, но и в сельской местности. В тексте «Наша деревня» букваря Х. Максуди маленький шакирд рассказывает о преимуществах новой системы получения знаний: «В нашей деревне уже год обучают по новому методу. Мы начали учиться полтора месяца назад. Раньше мы не знали ни одной буквы. Сейчас, хвала Аллаху, знаем все тюркские буквы. Умеем читать и писать. Раньше в нашей деревне толком ни-

¹ Гафуров Г. Жиңел элифба яки элифбаи сутия. – Казан, 1904. – Б. 21.

кто не умел писать, кроме одного или двух богатых детей, окончивших медресе в городе. В нашей деревне все немного обучались грамоте. Но никто хорошо не умеет читать и писать...»¹ Проблема неэффективности старого метода обучения поднималась и в художественной литературе тех лет. Так, в одном из рассказов Ф. Карими сельский мулла никак не может понять, почему среди выпускников его школы так мало умеющих хорошо читать и писать².

Из текстов видно, что в новометодных школах обучались дети 7 – 8 лет. Существовало деление на классы.³ Дети сидели на скамейках, учитель (хэлфэ) сидел за столом и писал мелом на доске. Уроки проходили по расписанию.⁴ Через каждый час была перемена⁵. В число основных предметов обучения входило чтение, письмо, математика и рисование⁶. Проблема трудового воспитания детей в учебниках практически отсутствовала – дети из простых семей и так много работали. Основное внимание уделялось жизни ребенка в семье и школе. Описывался распорядок дня шакирда. Авторы всех букварей были едины в одном: ребенок перед школой обязательно должен совершить утренний намаз и позавтракать. Ему следовало соблюдать основные правила гигиены и приличного поведения в школе и дома⁷. Играм детей уделено мало внимания. Учебники их не поощряли, ведь это удел малышей и «уличных», неграмотных мальчишек. В букваре Х. Максуди маленький шакирд описывает свой домашний досуг: «После школы мы дома работаем. Игруем мало. Не так много, как неграмотные дети. Никто из нас играми не ин-

¹ Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 47 - 48.

² Кәрим Ф. Торналы авылының мәктәбендә // Мәктәтә мили әдәбият дәрәсләре. – Казан, 2000. – Б.119. Карими Фатых (1870 – 1937), писатель, издатель, общественный деятель..

³ Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1898.- Б. 47.

⁴ Там же. – С.44.

⁵ Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. - Казан, 1903. – Б. 48.

⁶ Корбангалиев М. Татар әлифбасы. – Казан, 1912. – Б. 31.

⁷ Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. – Казан, Уфа, 1908. – Б. 22–23; Максуди Һ. Мөгаллим әүвәл. - Казан, 1903. – Б. 44 и др.

тересуется. Мы думаем только об учебе и о приличном поведении (эдэп). Дома мы постоянно сидим с книжками и пишем»¹.

Татарский букварь формировал модель «образцовой» детской повседневности. Реальный мир был совсем другим. Не все дети могли ходить в школу и не все пили по утрам чай с сахаром и лепешкой². О тяжелой жизни простых людей, прежде всего детей, на рубеже XIX–XX вв. в татарской литературе написано немало.³ Пробриться в жизни, получить качественное образование было не просто. Но именно предлагаемая авторами учебника модель поведения гарантировала, по их мнению, ребенку–шакирду успех в учебе и в будущей взрослой жизни.

Татарский букварь учил детей не только чтению и письму, но математике, давал сведения об окружающем мире и основах мусульманской религии. Большинство букварей состояло из нескольких частей, в основном из двух – татарской и арабской. Казанские татары с уважением относились к арабскому языку. Сначала детей учили читать и писать на родном языке, а затем переходили к углубленному изучению арабской письменности, необходимой для чтения Корана. По такому принципу были построены буквари Х. Максуди, Г. Баруди, Ш. Тагирова и др. Можно предположить, что многочастная структура была заимствована из русских букварей. Как известно, одним из наиболее распространенных учебных пособий, используемых в русских школах на рубеже XIX–XX вв., был «Букварь для совместного обучения чтения и письму с картинками и статьями для первоначальных упражнений в объяснительном чтении для народных школ» Д. Тихомирова и Е. Тихомировой⁴. Авторы предлагали в качестве текстов фольклорный материал, стихи А.С. Пушкина, басни И. А. Крылова и пр., а также рассказы о жизни Иисуса

¹ Максуди Н. Мөгаллим әүвәл. - Казан, 1903.- С. 46.

² Мөслимов Г. Сабыйларга юл башы. – Казан - Уфа, 1908. – Б. 46.

³ Тукай Г. Исемдә калганнар // Мәктәптә мили әдәбият дәрәсләре. – Казан, 2000. – Б. 13 – 20.; Исхаков М. Сәгадәтне авылдагы тормышы // Мәктәптә милли әдәбият дәрәсләре. – Казан, 2000. – Б. 32 – 37 и др.

⁴ Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н. Букварь для совместного чтения, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ. – М., 1912.

Христа и Божьей Матери. В третьем разделе букваря приводился церковно-славянский алфавит, тексты из Священного писания и молитвы. А последний его раздел был посвящен «первоначальным упражнениям в счете». Многие татарские буквари конца XIX – начала XX вв. заимствовали из этого учебника не только его структуру, но и некоторые тексты. Например, рассказы «Два козлика» о двух упрямых козлятах и «Собака и тень»¹ воспроизводятся в букваре Х. Забири, правда, в несколько измененном виде². О том, что Х. Забири использовал переводные русские тексты, писал и Г. Ахмаров. Заимствовал Х. Забири и тексты из «Мөгаллим әүвәл» Х. Максуди, например, тексты о школе, о хорошем и плохом ребенке и др.³ Одинаковые или очень схожие тексты встречаются в букварях многих авторов, что позволяет считать этот прием составления букваря общепринятой и не осуждаемой практикой.

Хотя текстов светского, подчас весьма интересных и познавательных, содержания в татарских букварях становилось все больше, основу многих из них все-таки составляли религиозные тексты и молитвы. Показательным в этом плане является, в частности, букварь «Сәвад хан» Г. Баруди⁴. Этот известный религиозный деятель, один из видных идеологов джадидизма, сторонник новометодной системы обучения излагает в своем букваре основные каноны ислама, повествует об обязанностях мусульман перед Всевышним и обществом, заключая: «Человек, который придерживается этих правил, попадет в рай, не соблюдавший будет несчастен»⁵. Молитвы практически на все случаи жизни приводятся и в «Мөкәмәл әлифба» Ш. Тагирова: наряду с молитвой для школы там есть, например, и молитва, которую читали после обряда погребения («жәназа намазы»)⁶. По традиции многие буквари начинались со священных для каждого мусульманина слов, сопровождающих любое

¹ Там же.– С. 3, 32.

² Забири Х. Рәсемле әлифба. – Казан, 1907. – Б. 40.

³ Әхмәров Г. Әлифба китапларына тәнкыйт. – Казан, 1909. – Б. 29.

⁴ Баруди Г. Сәвад хан. – Казан, 1891. 24 б. В Научной библиотеке Казанского федерального университета им. Н.И. Лобачевского сохранилось 8 изданий этого букваря разных лет.

⁵ Баруди Г. Сәвад хан. – Казан, 1897. – Б. 15.

⁶ Таһири Ш. Мөкәмәл әлифба. – Казан, 1910. – Б. 61–64.

начинание – «Әгүүзү билләһи минәш – шәйтәанирражим бисмилләһир – рәхмәәнир – рахим» («я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана. Во имя Аллаха милостивого и милосердного») или в сокращенном варианте – «Бисмилләһир – рәхмәәнир – рахим». Во многих букварях по мусульманским канонам пятница указывалась как выходной и праздничный день¹. Особое значение придавалось пятничной молитве. Ислам трудно было отделить или вычеркнуть из школьного обучения. Религия была не просто идеологией, а частью повседневной жизни и национальной культуры. В самый тяжелый период именно религия помогла казанским татарам сохраниться как этносу. Ислам не был официально запрещен в России. Более того, поскольку идеологические устои Российской империи были основаны на вере в Бога², любые тексты религиозного характера цензура не запрещала. В татарских букварях это прослеживается достаточно четко.

Тем не менее, некоторые издания букварей носили абсолютно светский характер. Так, в учебнике Г. Ахмарова религиозных текстов нет вообще. Лишь в одном месте упоминаются «мулла» и «мечеть», но текст этот не имеет религиозной окраски³. Однако таких «светских» букварей было мало.

Некоторые из изложенных в татарских букварях тем находились на грани религиозного и светского. К таковым, безусловно, можно было отнести тему смерти. Учение о смерти традиционно входило в систему образования и воспитания татарских детей. Одной из широко распространенных книг среди казанских татар была книга «Ахыры заман китабы» («Книга о конце света»). Е. Малов писал, что мусульмане, живущие на территории России, слышат содержание этой книги с детства⁴. Впервые эта тема была озвучена в букваре И. Гаспринского⁵. А когда в букваре Х. Максуди наравне с текстами об ос-

¹ Максуди Н. Мөгаллим әүвәл. – Казан, 1898. – Б. 30–31; Зәбири Х. Рәсемле әлифба. – Казан, 1906. – Б. 42. и др.

² Об этом см. подробнее: Арапов Д. Ислам в архивных материалах. – С. 254, 257.

³ Әхмәров Г. Тәрки әлифба. – Казан, 1918. – Б. 47.

⁴ Малов Е. Мухамедданское учение о кончине мира. Ахыры заман китабы. – Казань, 1897. – С. 25.

⁵ И. Гаспринский. Ходжа – и – сибьян Ходжа – и – сибьян. – С. 74.

новых положениях мусульманской религии появился текст о конце света, это отнюдь не шокировало общественность. Х. Максуди подробно описывает, как происходит воскрешение после смерти: «Однажды этот мир погибнет. Люди, животные и все живое умрет. Затем люди воскреснут. Этот день называется кыямэт (воскрешение после смерти). В этот день по воле Аллаха все выйдут из могил. Наступит судный день. Люди, совершившие хорошие поступки, попадут в рай. Пусть Аллах каждого из нас сотворит «святым» и хорошим...»¹

Долгое время в татарских букварях визуальный ряд отсутствовал вообще. Среди татарских педагогов шла оживленная дискуссия по данному вопросу. Одни считали, что рисунки помогают ребенку лучше усвоить учебный материал, другие, наоборот, думали, что изображения отвлекают внимание ребенка, а третьи не видели смысла изображать предметы, когда можно было увидеть их «вживую». Но уже с конца XIX в. появляются первые татарские иллюстрированные буквари – это буквари Г. Алпарова, Х. Максуди, А. Мустафы, Ш. Тагирова и др.² (К сожалению, далеко не все из них сохранились). Визуальный ряд их представлен черно-белыми, иногда весьма нечеткими, изображениями отдельных предметов, животных. Сложные, композиционные рисунки отсутствуют. Изображения людей встречаются только в ««элифбе» Х. Максуди. Это, например, изображение мужчины и женщины в национальной татарской одежде, которую носили состоятельные горожане³. В 1913 г. букварь с иллюстрациями опубликовал Г. Алпаров⁴. В него были включены «новые» для татарской школы предметы школьного быта – ученическая парта и классная доска.

Часто в качестве иллюстраций в татарских букварях использовались рисунки из русских учебных книг, но появлялись и оригинально иллюстри-

¹ Максуди Х. Мөгаллим әүвәл. - Казан, 1903. – Б. 56.

² Ибрагимов Ф. Белем элифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51.

³ Максуди Х. Мөгаллим әүвәл. – Казан, е. ю.

⁴ Алпаров Г. Татар элифбасы. – Казан, 1913.

рованные издания¹. Среди них своей красочностью и необычностью явно выделялся букварь И.Н. Харитонова «Бүләк» («Подарок», 1912). На обложке букваря было написано: «Харитон бабай. Балалар өчен беренче элифба» («Дедушка Харитон. Первый букварь для детей».) Именно в типографии И.Н. Харитонова были напечатаны многие татарские буквари. Харитонов создавал новые образцы арабо-татарских шрифтов, впоследствии известные как «харитоновские»², и вошел в историю издательского дела как реформатор татарского шрифта. В этом деле ему помогали каллиграф, издатель и будущий классик татарской литературы Г. Камал и известный гравер И. Юзеев. И.Н. Харитонов приступил к печатанию татарских книг в 1902 г. и вскоре вышел на передовые позиции по выполнению заказов татарских издателей, обогнав своих конкурентов³.

Упомянутый выше букварь был составлен специально для обучения изменённой арабской письменности. В предисловии автор писал, что буквы в букваре похожи на древнее куфическое письмо⁴. В учебнике текстов нет, есть только буквы и сопровождающие их рисунки. Обложка учебника – это всегда своеобразная реклама⁵, и И.Н. Харитонов впервые в истории татарского букваря воспользовался таким коммерческим приемом. На обложке мальчик и девочка за столом с интересом рассматривают ярко иллюстрированную книгу, очень похожую на букварь «дедушки Харитона». У мальчика на голове тюбетейка. Девочка одета на европейский манер, с короткой стрижкой, только маленький кокетливый калфак⁶ свидетельствует о ее национальности. Рядом со столом на полу котенок удивленно смотрит на игрушечного зайчика на колесах. Это, безусловно, дети из состоятельной татарской семьи. Как и в случае с обложкой, впервые в истории татарского букваря именно в изда-

¹ Червонная С.М. Искусство современной Татарии. Живопись, скульптура, графика Татарии. – М, 1978. – С. 178.

² Татарский энциклопедический словарь. – С. 628.

³ Каримуллин А. У истоков татарской книги. – С. 47 – 48, 52.

⁴ Харитонов И. Н. Бүләк. – Казан, 1912. – Б. 2.

⁵ Макаревич Г. В. Образ ребенка в постсоветском учебнике по литературному чтению // «И спросила кроха...» - С. 146.

⁶ Калфак – вышитая бархатная шапочка, татарский национальный женский головной убор.

нии Харитонова дети были изображены в домашней обстановке. Их окружал «непривычный», «новый» мир вещей и предметов, сильно отличающийся от того, к чему привыкло большинство татарских детей начала XX в.

Букварь «дедушки Харитона» действительно стал прекрасным «подарком» для детей и взрослых. Своей необычностью он привлек внимание Г. Тукая, посвятившему ему стихотворение «Сабитның укырга өйрәнүе» («Сабит учится читать»)¹. В букваре на иллюстрации к букве «с» был изображен одетый в национальную одежду любознательный мальчик Сабит, что-то внимательно рассматривающий. Герой стихотворения Г. Тукая Сабит – такой же любопытный непоседа, которому отец в итоге дарит букварь «дедушки Харитона» («Бу ә-лиф-ба бүләге Харитонов бабаның»)².

Трудно сказать, насколько востребованным оказался этот букварь в школах. Но стоит отметить, что он мог быть применен и для обучения детей с ограниченными возможностями, в частности, глухонемых. В конце учебника была приведена ручная азбука глухонемых, взятая из опубликованного российским Обществом призрения и образования глухонемых детей в 1890 г. учебника³. В букваре И.Н. Харитонова рисунки сопровождалась татарскими буквами на арабской графике.

«Энциклопедией домашнего быта» называли букварь татарского педагога и художника Ш. Тахири «Рәсемле әлифба» (1914). Он, как и И.Н. Харитонов, использовал в качестве иллюстраций сюжетные рисунки, где были прорисованы мельчайшие детали. Например, в интерьере дома зажиточного

¹ Ибрагимов Ф. Белем әлифбадан башлана. – Казан, 1994. – Б. 51. Во втором томе собрания сочинений Г. Тукая разъясняется, что это стихотворение было напечатано как приложение к «Татар әлифбасы» И. Н. Харитонова в 1912 г. и сопровождалось рисунками (Тукай Г. Әсәрләр, шигырьләр, поэмалар (1909 – 1913). – Казан, 1976. – Б. 371). В «Бүләк» стихотворения Г. Тукая не включено.

² Тукай Г. Әсәрләр, шигырьләр, поэмалар. – Б. 221.

³ Харитонов И.Н. Бүләк. – Казан, 1912. – Б. 50. См.: Вагапова Ф.Г. Оформление татарских печатных букварей XIX–XX веков // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов. – Казань, 2008. – С.137.

горожанина можно было увидеть элементы декора, шамаили¹, ковры, стулья и проч. Изображены были также городские и сельские пейзажи².

Иллюстраций кардинально изменили внешний вид татарских букварей. Прежде он полностью соответствовал основным канонам ислама, запрещавшим изображение живых существ. Согласно общепринятой восточной традиции, татарские печатные издания в подражание старинным рукописям украшались лишь каллиграфическими росписями, где главным был растительный орнамент³. Однако отныне визуальный ряд учебника буквально «ожил». Даже в букваре Х. Максуди, одного из будущих лидеров «Иттифак аль-муслимин» («Союза мусульман»), автора многочисленных работ по мусульманским догматам веры, появились рисунки людей и животных⁴.

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемый период татарская «элифба» не являлась необходимым элементом и составной частью целенаправленной образовательной и воспитательной политики государства. Авторы татарских букварей преследовали лишь одну цель – научить детей читать и писать на родном языке. Особая заслуга джадидских школ заключалась во введении обучения на татарском языке, взамен так называемого турецки или арабского, и «элифба» здесь принадлежала немалая роль. При создании учебников на первое место было поставлено нравственное воспитание подрастающего поколения в соответствии с требованиями эпохи.

¹ Шамаиль – настенное панно, картина-изречение охранно-ритуального значения в исламе.

² Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник. – Казань, 2008. – С. 5. Он был первым художником–татарином, получившим разрешение на преподавание рисования от Императорской Академии художеств.

³ Дульский П. Оформление татарской книги за революционный период. – Казань, 1930. – С. 4, 6.

⁴ «Иттифак аль-муслимин» – либерально-демократическая партия российских мусульман. Создана в 1906 г.